

Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1942 [The collection of legalizations and orders of the government in 1917–1918, the Management of the Affairs of the people's Commissars of the USSR, Moscow, 1942]. Available at: <http://istmat.info/node/31674> (accessed October 19, 2017) (in Russian).

Rakunov V. A. Gosudarstvennaya politika v sfere shkol'nogo obrazovaniya v 1920–30-kh godakh [State policy in the sphere of school education in 1920–30-ies]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*. [Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. The ability to"]. 2011, no. 1. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov_Formal_Education/ (accessed October 19, 2017) (in Russian).

Khalitova A. M. Yazykovaya politika v SSSR v 1920–1930 gg: regional'nyi opyt [Language policy in the USSR in 1920–1930: a regional experience]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. [Bulletin of Bashkir state University]. 2010, Thom 15, no. 1. Pp. 155–157 (in Russian).

Yashina M. A. Antireligioznye obrazovanie i vospitanie v SSSR v 1920-gody: uroki istorii i sovremennost' [Anti-religious education and upbringing in the USSR in 1920-years: the lessons of history and modernity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University]. 2011. No. 3. Pp. 201–208 (in Russian).

Т. И. Баталко

Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет «МИТСО», Витебск (Белоруссия)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУСИЗАЦИИ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Автор рассматривает психологический аспект широкой проблемы политики белорусизации. Современная белорусская историческая наука отказалась от позиции прямолинейного утверждения, что белорусизация, как и украинизация, были спланированными заранее акциями, чтобы выявить лучшие силы этих народов, а затем обрушить на них массовые репрессии. Все было сложнее. Внутри страны были как свои горячие сторонники и энтузиасты белорусского возрождения, так и те, кто оказывал как активное, так и пассивное сопротивление его проведению. Не способствовала успеху политики белорусизации и национальная дифференциация между городом и деревней, внося специфику и в языковую ситуацию — русскоязычный город и белорусскоязычная деревня. Значительная часть белорусских служащих денационализировалась и от белорусского языка отказалась, предав его забвению как язык «мужицкий». Объявление белорусского языка государственным и требования его знания и пользования им не могло не вызвать сопротивления русифицированной части чиновничества. К сожалению, дух кампанейщины витал в атмосфере тех лет и был легко обоняем даже темным и неграмотным крестьянином, у которого вследствие многовековой колониза-

торской политики сформировалось пассивное неприятие всего, что так или иначе связано с «беларускасцю».

Ключевые слова: белорусская национальная идея, культурный процесс, национально-культурное строительство, политика белорусизации, противники и приверженцы национального возрождения.

T. I. Batalko

The Vitebsk Branch of the International University "MITSO", Vitebsk (Belarus)

PECULIARITIES OF THE NATIONAL-CULTURAL POLICY OF BELARUSIZATION (PSYCHOLOGICAL ASPECT)

The author considers the psychological aspect of the broad problem of Belarusian politics. Modern Belarusian historical science rejected the position of a straightforward assertion that belorussization, like ukrainization, was planned in advance to reveal the best forces of these peoples and then bring down massive repression on them. Everything was more complicated. Inside the country there were both ardent supporters and enthusiasts of the Belarusian revival, as well as those who provided both active and passive resistance to its conduct.

National differentiation between town and country didn't contribute to the success of the policy of Belarusization and contributed to the specificity in the language situation — a city that speaks Russian and a village that speaks Belarusian. A significant part of Belarusian officials denationalized and avoided using Belarusian language, betraying his oblivion as the language <peasant>. The announcement of the Belarusian language as the state language and demands for his knowledge and use of it caused resistance of Russified part of the bureaucracy. Unfortunately, the spirit of campaigning soared in the atmosphere of those years and even a peasant could smell it, who due to centuries of colonial policy had passive rejection of all that is somehow related to the Belarusian language.

Keywords: The Belarusian national idea, the cultural process, the national cultural construction, the policy of belorussization, the opponents and adherents of the national revival.

DOI: 10.14258/nreur(2018)1-09

Стремление получить поддержку многонационального населения страны, завоевать доверие народа подтолкнули партию большевиков в 20-е гг. XX в. начать национально-культурное строительство, которое в Беларуси получило название «белорусизация».

Под белорусизацией принято понимать комплекс мер, направленных на развитие национальной культуры, создание литературного белорусского языка, проведение языковой политики, строительство национальной белорусской школы (с одновременной организацией школ для национальных меньшинств, населяющих республику), формирование белорусских войсковых частей, перевод периодической печати, издательского

дела на белорусский язык, выдвижение и воспитание кадров из числа коренного населения (не только белорусского, но и представителей других национальностей, которые хорошо бы знали быт и местные условия). Одновременно решались задачи широкого распространения в массах знаний по истории, культуре, географии, литературе Беларуси. Таков далеко не полный перечень задач, которые призвана была осуществить политика белорусизации, объявленная в республике «всерьез и надолго».

В белорусской научной исторической среде нет единства по вопросам целей, причин, механизмов, итогов, просчетов и, наконец, места политике национально-культурного возрождения (белорусизации) в белорусской истории [Борисенок, 2006: 111–117; Василевская, 1989: 25–26; Ершова, 2012: 527–535; Кароль, 1993: 118–164; Лозицкий, 1989: 16–20; Ненароков, 1990: 2–14; Платонов, 1998: 300–320]. Нам представляется, что через белорусизацию государственного аппарата (коренизацию) советское правительство рассчитывало сделать крестьянство своим союзником. Ведь белорусское крестьянство противостояло малочисленному русскоязычному городу, а это ослабляло позиции города (и власти!) в деревне. Именно в этих целях политико-просветительную работу среди белорусских крестьян предполагалось вести на родном языке, о чем настаивали подписанты знаменитого «заявления 32-х». Следующей задачей, стоящей перед творцами белорусизации, было воспитание лояльной белорусской интеллигенции. Как показала дальнейшая история, они в этом преуспели. Важной целью в реализации политики национально-культурного строительства становится стремление большевиков возглавить белорусское национальное движение, которое набирает популярность среди местных интеллигентов. И, наконец, необходимо отметить умелое использование достижений национальной политики во внешнеполитической деятельности и пропаганде, которое принесло успех: разоружение белорусской эмиграции, прекратившей антисоветскую борьбу и признавшую БССР «единственным центром белорусского национального движения». Таким образом, одной из причин взятия курса на белорусизацию была совокупность политических выгод и идеологических приоритетов.

Несомненно, что политика белорусизации была необходима. Это была прежде всего самая значительная попытка духовного самоподъема забитой нации, обретение ею своего первородного лица, освобождение от несообразных подделок под него. Это был национальный порыв, право на который белорусы добились своей революционной борьбой, упорным стремлением «людьми зваться». В период БНР благодаря деятелям газеты «Наша Ніва» было сформировано свое белорусское сознательное ядро, свои культурные достижения, своя государственная воля — у страны были все возможности для действительно своего, белорусского, а не иного пути, который бы означал прежде всего национальную культуру, суверенную политику и экономику. Это была, наконец, решительная заявка на самостоятельное духовное самодвижение, собственную историческую инициативу сквозь непроходимую толщу иноземщины. Тут было, однако, много наивного идеализма и явно недостаточно трезвой критической оценки национальной ситуации, имевшей место в республике к началу 20-х гг. Слишком большие последствия в народном сознании имели уходящие в глубокую историю русско-белорусские православные традиции, полуторавековое совместное существование двух славянских народов в едином государстве, усиленное распространение царскими властями русской духовности на новоприобретенных землях. Белорусские жители на официальном уровне слышали повсеместно русскую речь — от школьного ли учителя, православного попа-батюшки или местного чиновника, а в северных и восточных районах

Беларуси она вообще довлела над ними и в бытовом плане, так что вполне естественно было многим («тутэйшым») гражданам считать себя русскими.

Особое положение занимали города, русско-еврейские по своему преимущественному составу из-за проходившей здесь черты оседлости евреев. Форпосты западнорусизма, очаги денационализации, местные города оказывали сильное сопротивление белорусской волне, в частности, в школьном обучении. Но и значительная масса крестьянства не воспринимала никакой белорусской государственности, но видела свою дальнейшую судьбу только в пределах Российской державы. Это нашло отражение в выступлениях депутатов расширенного съезда сельсоветов Витебской губернии 25 июля 1923 г.: «Мы белорусского языка не знаем и ни к какой Беларуси присоединяться не желаем». Другой подчеркивал: «Мы все русские, чувствуем себя свободными гражданами Российской республики» [ГАВО. Ф. 10050. Д. 624. Л. 85].

Да, население Витебщины в наибольшей степени ощущало на себе воздействие «русскости» в силу своего специфического географического положения. Северо-восточные земли Беларуси значительно раньше вошли в состав России, так что местные жители, даже и признавая себя белорусами при опросе, прежде всего чувствовали на себе след богатой русской культуры. Тем более, что белорусская духовность не успела еще в элитарном плане достаточно мощно о себе заявить. У сельчан существовали мысли, что своя крестьянская речь — это для домашнего употребления, для здешних мелких нужд или забав, а учиться нужно на «ученом», «правильном» языке, на котором говорят в городе и от которого будет больше пользы в жизни — свой же и так с грехом пополам знаем. Болезненно проходило преодоление этой психологии, и она сказалась на сроках белорусизации.

Протоколы собраний того времени свидетельствуют о горячем накале споров, компромиссном разномыслии — в республике никак не могло быть единодушия по поводу обретения ею своего истинного лица. Тут уже неизбежной была тогда, актуальной остается и в наше время проблема — что значит «истинное лицо», в чем его подлинные критерии. Видимо, прежде всего в родном белорусском языке, от которого когда-то отошла социальная и духовная элита общества, перейдя сначала в польские, а затем русские культурные координаты. Руководители белорусизации — большевики В. Игнатовский, З. Жилунович, А. Балицкий, А. Червяков много делали на пути возрождения и, в частности, в своем рабочем окружении были энергичными примерами употребления родной речи и перевода на нее всего делопроизводства. Именно с этих людей начиналось непосредственное воплощение идей белорусизации в жизнь, с их горячей инициативы и непоколебимой веры в свое дело. Именно они наиболее полно отражали в своей деятельности государственность белорусского голоса и стремились реально закрепить ее во всей республике.

Однако рядом с подлинными подвижниками белорусизации среди партийных и государственных руководителей, организаторов культурного процесса были и люди, чужие по своей внутренней сущности белорусскому духу и поставленные, таким образом, в противоречивое положение. С одной стороны, над ними довлела партийно-государственная дисциплина, а с другой — очень не лежала душа к порученному делу. И в любом случае они находили возможности для скрытого саботажа — подмену живого дела бумажной процентоманией, проявляли сверхэнергичный, едва ли не провокационный энтузиазм, прямое неисполнение со ссылкой на объективные трудности. Выступая с официальными речами и отчетами в кабинетах, они говорили те слова, ко-

торых от них требовали, в кулуарах же, благо единомышленников было много, часто ворчали и недовольно пожимали плечами. Понятно, что когда политика белорусизации была свернута, эти люди явились активными и старательными исполнителями государственной воли.

Отрицательная ситуация усиливалась существованием такого досадного явления, как «самосуйщина» — по имени главного героя сатирического произведения Андрея Мрия, белорусского писателя 1920-х гг., «Записки Самсона Самосуя» — неуча и прохвоста, который, тем не менее, занимал определенную государственную должность и организовывал культурно-просветительский процесс. Раз за разом этот «просветитель» и «вестник новой культуры» попадает в абсурдные, нелепые положения, то организуя в городе массовое уничтожение собак, то проводя показательное тушение пожара у надоевших ему соседей, то создавая движение любителей культурно загорать. Конечно, Самосуй — это гипербола, но автор, работник сферы образования, имел для создания этого образа определенные основания, наблюдения, к которым нельзя было относиться без досады. Ему встречались и лекторы-цитатчики, которые не могли толком ответить ни на один вопрос слушателей, и «белорусизаторы», не владевшие досконально даже русским языком, и разные инспекторы и уполномоченные, которые говорили только языком лозунгов и приказов. Это были грустные результаты так называемого ленинского набора пополнения партийных рядов за счет интеллектуально неразвитых, но социально активных граждан, местных шариковых, для которых не только белорусский язык, но и вообще культура были делом десятым. Легко можно представить, какой вред они наносили делу белорусского национального культурного строительства.

Как бы противоестественно это ни звучало, но противниками возрождения белорусской духовности были и труженики интеллектуальной сферы, белорусскоязычные по своему происхождению и форме деятельности. Далеко не все из них обладали той же духовной толерантностью, что и В.И. Пичета, первый ректор Белорусского государственного университета [Баранова, 2009: 178–186]. Не белорус, приехавший из Москвы, В.И. Пичета на заре белорусизации доказывал исторические права и основы белорусского языка в своей статье «Белорусский язык как фактор национально-культурный» [Пичета, 1923: 35]. Ему противостояла значительная часть интеллектуальной элиты белорусского общества, которая стояла на позициях технократического подхода к развитию послереволюционного общества. Эти люди не склонны были идеализировать роль белорусского языка и других примет белорусскости в развитии общества. Наоборот, они настаивали на том, что необходимы укрепление единой связующей формы информационного пространства, концентрация усилий на углубление интернационального мышления. Такой склад мыслей хорошо сочетался с идейными интернационалистскими мотивами, а также с практической будничностью духовной жизни большинства местного населения («Какая разница на каком языке говорить?») [Сухоцкая, 2010: 124–128].

За свои считанные годы белорусизация не смогла переломить отношения к белорусскому языку у значительной массы местной интеллигенции. К сожалению, и часть школьных учителей, призванных возрождать белорусский язык, относились к этой задаче с нигилизмом [Баліцкі, 1925: 117–208]. Так, в письме П. Голошевского, учителя Угольшинской школы, стоит вопрос: «Зачем возрождать забытый и утраченный белорусский язык? Ведь социализм должен стремиться к объединению... не идем ли мы в этом отношении назад, вместо того, чтобы идти вперед?» [ГАВО. Ф. 10062. Д. 620. Л. 43].

В 1928 г. сводка ОГПУ о политическом состоянии Оршанского округа характеризовала отношение научно-педагогических кадров к белорусскому языку как пассивное сопротивление. Преподаватель рабфака Белгосакадемии сельского хозяйства Д. П. Титенков в открытую заявлял: «С белорусским языком не только социализма, но даже Осин-строю не построишь» [ГАВО Ф. 10062. Д. 620. Л. 448]. Впрочем, с ним боролись не менее непримиримо — «за упорное нежелание изучать белорусский язык и фактическое вредительство политике белорусизации» уволили с занимаемой должности [ГАВО. Ф. 10062. Д. 626. Л. 448]. Проявление национального нигилизма у значительной части населения не могло не волновать руководителей Наркомпроса. Выступая по этому поводу, нарком просвещения и белорусский историк В. Игнатовский рассуждал: «Почему мы считаемся так с мнением крестьянина по вопросу о трудовой школе? Надо помнить, что работа в школе — это специальность, поэтому надо спрашивать мнение специалиста» [НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 197].

Примерно то же сказал и Я. Лесик, редактор «Вольной Беларуси», филолог, деятель БНР, еще в сентябре 1917 г. по поводу бесконечных ссылок противников белорусского возрождения на настроения народных масс: «Враги «беларушчыны» говорят, что не стоит строить белорусские школы, так как народ их не хочет. Народ... Как же народ наш потребует свои белорусские школы, если он никогда их не видел и ничего в этом деле не понимает? Разве можно спрашивать у народа о том, нужны ли нам, к примеру, те лаборатории, где работают всю жизнь ученые? Темный народ всегда скажет, что не нужны. И странная привычка ссылаться на народ там, где эта ссылка ни к чему. Во многих других вопросах мы обращаемся к специалистам и знатокам, а вот в вопросах государственного строительства мы довольствуемся мнением таких специалистов, как темный, некультурный народ... Народу нужно сначала рассказать, объяснить, его нужно сначала просветить, обучить, а потом звать к себе на совет» [НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 200].

Но у белорусского языка были свои великие подвижники, горячие энтузиасты глубоко патриотического дела. К их числу, кроме вышеназванных, следует отнести основные силы белорусского учительства, тружеников различных культурно-просветительских учреждений, студенческую молодежь, особенно будущих педагогов, служащих органов массовой информации, писателей и литераторов, ученых — филологов, историков, этнографов. Люди, глубоко проникнутые белорусской идеей, как праздник принявшие возрождение национальных духовных корней, они ощущали всю судьбоносность своего времени, спешили, как будто знали, что оно скоро пройдет и больше уже может не повториться. В тогдашних протоколах их выступления назывались «националистическими». Впрочем, исправно и с легкостью вешались и другие ярлыки типа «шовинисты». Дух революции, войны, гром фронта еще господствовали вокруг, что называется — сплошное «дыхание грозы». Тут неизбежно одна ошибка приходила за другой и семь раз резали, прежде чем один — отмерить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баліцкі А. П. Беларусізацыя культурна-просветных устаноў // Полымя. 1925. № 4–5. С. 117–203.

Баранова Е. В. Пичета В. И. и власть в 1920-е гг. // Российские и славянские исследования: научн. сб. / редкол. А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. Вып. 4. С. 178–186.

Борисенок Ю. А. Белорусизация 1920-х годов: предыстория // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 111–117.

Василевская М. С. Листая журналы 20-х (о культурном строительстве в республике) // Политический собеседник. 1989. № 11. С. 25–26.

Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10050.

ГАВО. Ф. 10062.

Ершова Э. Б. Алгоритм развития культуры Беларуси в 20-е гг. XX в. // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания института белорусской культуры : материалы Международной научной конференции. Минск, 8–9 декабря 2011 г. Минск, 2012. С. 527–535.

Кароль А. И. Беларусізацыя — палітыка нацыянальнага адраджэння // Крыжовы шлях. Мінск, 1993. С. 118–164.

Лозицкий В. С. Політика українізації в 20–30-х рр.: Історія, проблеми, уроки // Укр. історичні журнал. 1989. № 3. С. 16–20.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4.

Ненароков А. П. Из опыта национально-языковой политики первых лет Советской власти // История СССР. 1990. № 2. С. 2–14.

Пічэта В. І. Беларуская мова як фактар нацыянальна-культурны. Мінск, 1923. 35 с.

Платонов Р. П. Лесы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях малавядомых падзеях духоўнага жыцця у Беларусі 20–30-х гг. Мінск, 1998. 326 с.

Сухоцкая С. Ю. Образование на Витебщине в 1920-х гг.: национальный аспект // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспубліканскай навук. — практыч. канф., Віцебск, 30–31 сакавіка 2010 г. / рэдкал.: У. Акуневіч [і інш.]. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. С. 124–128.

REFERENCES

Balitski A. P. Belarusizatsyia kul'turna-prasvetnykh ustanou [Belarusizatsyia cultural institutions prasetnykh]. *Polymia*. 1925. № 4–5. Pp. 117–203.

Baranova E. V. Picheta V. I. i vlast' v 1920-e gg. [Picheta V. I. and power in the 1920s]. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: nauchn. sb. / redkol. A. P. Sal'kov, O. A. Ianovskii (otv.red.) [i dr.]*. Minsk, 2009. Vyp. 4. Pp. 178–186.

Borisenok Iu. A. Belorusizatsiia 1920-kh godov: predystoriia [Belorusizatsiia 1920's: prehistory]. *Voprosy istorii*. 2006. № 6. Pp. 111–117.

Vasilevskaia M. S. Listaia zhurnaly 20-kh: (o kul'turnom stroitel'stve v respublike) [Scrolling through the magazines of the 20th: (on cultural construction in the republic)]. *Politicheskii sobesednik*. 1989. № 11. Pp. 25–26.

Gosudarstvennyi arkhiv Vitebskoi oblasti (GAVO). F. 10050.

GAVO. F. 10062.

Ershova E. B. Algoritm razvitiia kul'tury Belarusi v 20-e gg. KhKh v. [Algorithm of the development of Belarusian culture in the 20-ies. XX century]. *Institut belorusskoi kul'tury i stanovlenie nauki v Belarusi: k 90-letiiu sozdaniia instituta belorusskoi kul'tury: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Minsk, 8–9 dekabria 2011 g. / redkol.: A. A. Kovalenia [i dr.]. Minsk, 2012. Pp. 527–535.

Karol' A. I. Belarusizatsyia — palityka natsyianal'naga adradzhennia [Belarusizatsyia — policy of national revival]. *Kryzhovy shliakh*. Minsk, 1993. Pp. 118–164.

Lozits'kii V. S. Politika ukrainizatsii v 20–30-kh rr.: Istoriia, problemy, uroki [The Politics of Ukraine in the 20's and 30's: Istoriya, problems, lessons]. *Ukr. istorichny zhurnal*. 1989. № 3. Pp. 16–20.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 4.

Nenarokov A. P. Iz opyta natsional'no-iazykovoi politiki pervykh let Sovetskoi vlasti [From the experience of the national language policy of the first years of Soviet power]. *Istoriia SSSR*. 1990. № 2. Pp. 2–14.

Platonov R. P. Lesy: Gistoryka-dakumental'nyia narysy ab liudziakh malaviadomykh padzeiakh dukhounaga zhyttsia u Belarusi 20–30-kh gg [Historical and documentary essays on people of little-known events of the spiritual life of the 20–30-ies in Belarus]. Minsk, 1998. 326 p.

Picheta V. I. Belarускаia mova iak faktar natsyianal'na-kul'turny [Belarusian masters of fact are natsyyanalna-cultural]. Minsk, 1923. 35 p.

Sukhotskaia S. Iu. Obrazovanie na Vitebshchine v 1920-kh gg.: natsional'nyi aspekt [Education in the Vitebsk region in the 1920s: the national aspect]. *Adukatsyia na Vitsebshchynе: gistoryia i suchasnasts'*: materyialy respublikanskai navuk.-praktych.kanf., Vitebsk, 30–31 sakavika 2010 g./redkal.: U. Akunevich [i insh.]. Vitebsk, 2010. Pp. 124–128.

И. Э. Кузинер

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия)

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕГУНСКОГО (СТРАННИЧЕСКОГО) ТОЛКА И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ в 20-е гг. XX в.

Отечественная историческая наука, пережившая опыт влияния сначала советской мировоззренческой системы, а затем, в 1990-е и 2000-е гг., и антисоветских клише, с одинаковой тенденцией к упрощенному толкованию исторических событий и стремлением описать многогранные процессы, происходившие в нашей стране в прошлом веке, устаревшим языком бинарных оппозиций, в последние годы обозначает для себя путь к объективному взгляду на события последних ста лет. Путем нахождения парадоксов в столь привычных черно-белых антагонистических схемах мы можем продемонстрировать, насколько сложными порой предстают взаимоотношения, казалось бы, непримиримых противников. Одним из подобных парадоксальных примеров могут служить взаимоотношения религиозных организаций и советского государства в первые после революционные годы. В настоящей статье проанализированы некоторые перипетии взаимодействия представителей такого мощного русского религиозно-мировоззренческого движения, как староверие и, конкретно, его крайнего направления — бегунства-странничества с официальными советскими органами.

Ключевые слова: старообрядчество, СССР, антирелигиозная политика, бегуны, странники, государственно-конфессиональные взаимоотношения.